

Аркадий Мацанов

НАХИЧЕВАНЕЦ

Повесть

...Я тот, чьи мучения измерялись десятками столетий, а жизнь — лишь несколькими десятками лет...

Тот, кто веками страдал от войн и истребления... Я тот, кто всегда жил среди смерти, но неподвластен ей.

Я есть сама жизнь, бессмертия.
Геворг Эмин «Путник вечности»

ПРОЛОГ

Конец апреля выдался теплым. Прекратились дожди, очистилось и стало голубым небо, и солнышко уже припекало совсем по-летнему. Всюду на деревьях и газонах молодой зеленый цвет. Расцвела сирень, разнося пьянящий аромат. На клумбах радовали и удивляли многообразием цветов тюльпаны, и только легкий ветерок, шелестя листочками, говорил, что еще все может измениться. Ведь это только конец апреля!

Григорий Рубенович Левин, невысокий старик с орлиным носом, большими черными глазами, аккуратной коротко подстриженной усам и седой головой, стоял у открытого окна гостиничного номера и задумчиво смотрел на вечерний Ростов. Как все изменилось! Можно и заблудиться. Там, где теснились друг к другу старенькие, покосившиеся, словно во мгненью, домишки, выросли монстры из стекла, стали и бетона, один другого выше. Красиво... Только такое есть здесь, а того, близкого сердцу Ростова уже почти нет... Узнает ли он свою Нахичевань? Когда-то это был самостоятельный городок, но кто-то в Москве решил объединить его с Ростовом... И теперь это Пролетарский район города. Вроде как бы понижил статус. Нахичевань... Родная Нахичевань... Жива ли она? Хранит ли свои традиции? Сохранила ли свою самобытность, свою историю?

В этом году весна на Дону наступила сразу. В садах зацвели абрикосы и вишни... Цветущий сад, что может быть прекраснее! А во Владивостоке, откуда он приехал и где работал на судоремонтном заводе инженером-конструктором, весна не торопилась, ползла по-пластунски, словно боялась чего-то. Хулиганистый март дул холодными ветрами, подсыпая снежка, собирая его в сугробы. И апрель густил, прощаясь с зимой и плача дождями. Иногда так разревелся, разбухнет грозой с молниями и громами, что невольно и у Григория Рубеновича на душе становилось сыкатно, и вспоминал он тогда снежные зимы, морозы, низкое небо своего детства... Он приехал в город, откуда родом, откуда уехал много лет назад вместе с внуком. Парень только вернулся из армии, где прослужил, как и его дед, во флоте. Ему довелось служить недалеко от дома, чему он был очень рад. Когда случались увольнительные, шел домой, чтобы увидеть родителей. Они работали на том же судоремонтном заводе, где много лет работал дед. Что ни говори, а так и возникла их династия судостроителей. Видимо, и его ждет та же судьба. Только сначала нужно поступить и окончить институт. Нет, в самом деле, не в торгаше же идти!

Но, придя в армию, Михаил сказал, что мечтает до поступления повидать мир.
— Это нормально? Дожил до двадцати одного года, а до сих пор дальше Хабаровска никуда не выезжал!

Тогда-то дед и решил окончательно сделать то, о чем мечтал уже долгие годы: поехать в город своего детства и внука взять с собой.

— Мешать не буду, а может, и сгожусь на что... У тебя по возрасту и по чину должен быть ординарец!

— Ладно... Только, боюсь, не очень-то будет интересно. Впрочем, и тебе неплохо узнать свои корни. Тогда лучше понимать станешь, зачем живешь на свете, какого народа частичка!

Сборы были быстрые. Григорий Рубенович сказал, что едут они ненадолго, потому как внуку нужно еще успеть сдать документы в институт.

Все вещи легко вместились в один чемодан. Билеты взяли сразу в два конца. Оказалось, что так — существенно дешевле.

Нужно ли говорить, какое впечатление на парня произвел многочасовой перелет из Владивостока в Москву?! Из иллюминатора было видно крыло самолета. Оно все время подрагивало, и Михаилу казалось, что вот-вот оторвется и они упадут. Думал: «Почему пассажирам не выдают парашюты? Меньше было бы жертв...». Потом с интересом наблюдал за облаками, которые были едва видны где-то далеко внизу. Самолет летел на высоте одиннадцати тысяч метров!

Стоардессы, стройные белокурые девушки, разносили напитки. Кто-то читал журнал, кто-то слушал музыку. Дед сидел рядом и, кажется, дремал...

«А дед у меня еще ничего, — думал Михаил. — Форму держит... Молоток! Вот только в последнее время стал часто говорить о родине, вспоминать ее. Для меня Владивосток — родина... Может, если бы уехал куда, а меня бы тянуло потом обратно, захотелось бы спустя годы снова взглянуть на родные места. Но пока я ничего такого не чув-

В прошлом номере газеты «Нахичевань—на—Дону» мы рассказали читателям о том, как прошел на Дону скорбный для нас, армян, день 24 апреля. День геноцида. В череде намеченных на этот день мероприятий — возложения венков к подножию Хач-кара, установленного в память жертв резни 1915 года, научно-практической конференции в РГЭА, траурной литургии в храме Сурб Карапет — не только не потерялась, но и вызвала особый интерес читающей среды общественности Нахичевани презентация сборника Аркадия Мацанова, состоявшаяся в Музее русско-армянской дружбы, что на площади Свободы. В книгу вошли два его произведения: роман-притча «Черные журавли» и повесть «Сумасшествие». Оба произведения посвящены трагическим событиям в жизни армянского народа — резне. Самым трагическим. И хотя их разделяют почти сто лет — они повторились с ужасающей схожестью во многих деталях. Только «Черные журавли» описывают события резни армян в начале века в Османской Турции, а «Сумасшествие» рассказывает об ужасе межнационального армяно-азербайджанского противостояния в Баку в 1988–1991 годах. История, сделав виток, вернулась на круги своя... И это предмет для особых размышлений не только историков, политологов, психологов. Всех нас... Значит, мы [речь

идет обо всем человечестве в целом, не только об армянах] не смогли осмыслить в должной мере, осудить происшедшее, дать ему оценку не только юридическую, но и морально-нравственную. А значит... Значит, все может повториться снова...

Но разве только межнациональная рознь тревожит нашу память и совесть?

На встрече-презентации известный нахичеванский краевед, друг Аркадия Мацанова по первым годам работы хирургами в Новочеркасской городской больнице Минас Багдыков вспомнил, что в жизни армянского народа, нахичеванской ее части была и другая трагедия. «Красное колесо» сталинских репрессий прошло по нахичеванской интеллигенции более чем основательно... Учителя, священники, юристы, инженеры, врачи... Нахичеванцы не просто притались, зауганные до полусмерти, — они замолчали надолго, пытались забыть о своих корнях, своей истории, своих праведниках и героях...

И тогда исполнительный директор РПО «Нахичеванская—на—Дону армянская община» Сергей Михайлович Саядов произнес, несколько, может, неожиданно даже для самого себя: «Аркадий Константинович, а почему бы вам не рассказать и об этом? Не выведи в качестве главного героя ваше повествование Нахичевань? Город, которого нет,

— Ты никогда об этом не рассказывал, — тихо произнес Михаил, и сел на диван.

— Мама была беременна мною, когда узнали о его смерти... Через несколько месяцев после его расстрела я родился...
— Странно... Почему ты никогда об этом не говоришь?

— Время, внук, было такое. Да и не интересовало это никого. У тебя свои заботы. Лишнее говорить отучился...

— Лишне?! Но я хочу знать свою родословную! А что потом?

— Дедушка Лева, твой прапрадед, работал когда-то здесь в еврейской больнице, построенной на пожертвования и названной в честь императора «Александровской». Еврейское кладбище давно перепахали, и на его месте высятся многоэтажки.

— Интересно! Люди живут на костях...
— Все мы живем на чьих-то костях... Но не это самое страшное. Память живет, пока есть люди, которые помнят... Ты подумай! Одно-два поколения людей посещают могилы своих предков. Памятники ставят, за могилами ухаживают. Третье поколение на эти могилы уже почти никогда не приходит. Потом могилы запусаются... И все это совсем недолго. Через пятьдесят-сто лет кладбище становится старым... И только могилы тех сохраняются, кто оставил в истории хоть какой-то след.

Михаил встал, приоткрыл окно и достал сигареты.

— Ты бы не курил здесь...
— Я в окно... Расскажи. Мне это нужно знать... Михаил пошире открыл окно и жадно закурил.

Комната наполнилась городским шумом и свежей вечерней прохладой.

— Жизнь пролетела... Маму почти не помню... В тысячу девятьсот сорок втором ее расстреляли в Змиевской балке. Мне тогда было чуть больше трех. Какая-то сволочь донесла... А вскоре после войны умерла моя бабушка Соня, мать отца. Мне тогда исполнилось восемь. Хотели забрать в детский дом, но не отдали, взяла к себе наша домработница — баба Варсенник. Она заменила мне и мать, и отца, и дедов...

— А что с твоим дедом по отцовской линии?

— Дед по отцовской линии — особая статья. Это был замечательный человек. Он-то как раз оставил след в истории. Только и его могила, боюсь, не сохранилась... Дед умер от разрыва сердца прямо на улице, узнав, что четырех его сыновей расстреляли в НКВД. Это случилось в тридцать девятом году. У мамы в тот день случились роды... Меня назвали в его честь...

— Он кем мне приходится, прапрадедом?

— Точно. А звали его Григорием Христофоровичем Чалхушьяном.

Михаил посмотрел на своего деда, широко раскрыв глаза, пытаясь выговорить трудно произносимую фамилию:

— Чал-хуш-ян... Странно. А мы — Левини...

— Мама не была зарегистрирована с отцом, и это ее спасло в тридцать девятом, но погубило в сорок втором...

— Ну и фамилия была бы у нас! Сразу и не выговоришь!

— Напротив нашего дома, чуть наискосок, была школа, и я часто из окна наблюдал за Люской из 9-го («б»), которая мне очень нравилась. Вообще-то ее звали Лусинэ. Как-то сказал ей, ничего плохого и не думая: «Ну у армян и имена. Все не как у людей!».

Люська холодно посмотрела на меня, резко повернулась и пошла в сторону своего дома. Я поплелся за ней, но она только у самых дверей повернулась, показала язык и вбежала в дом, с шумом захлопнув калитку.

— Здорово! А вдруг ты ее встретишь? Правда, и она уже давно не девчонка!

— Много лет назад приезжал в Нахичевань. Было это, кажется, в семидесятом. Встретил ее случайно. Сначала, как всегда, поспорили о чем-то, а потом выяснили, что все эти годы и она была в меня влюблена! Но что делать? У каждого семья, дети... Вернулся во Владивосток... Вот так иногда в жизни бывает, внук!

— А после армии ты...
— Пока служил, а служил я, как и ты, во флоте, умерла бабушка Варсенник, заменившая мне родителей. Но я не смог даже ее похоронить. Письмо шло долго, да и она мне по документам — чужая. Могилу ее, приехав спустя годы, едва отыскал на кладбище. Поставил ограду, памятник... Теперь, наверное, и не найду...

Моя баба Варсо была когда-то черной как смоль. Но когда в пятьдесят четвертом уходил в

армию, волосы ее поредели и стали белыми, а глаза бледными настолько, что и не угадаешь, какого были цвета изначально. Она всегда носила черную одежду и говорила по-русски с акцентом. Всю жизнь в России прожила, а толком сказать двух слов по-русски не могла. Я любил ее очень. Сколько помнил себя, она всегда была рядом. Защищала, кормила, шлепала, если было за что, песенку на армянском языке пела перед сном. В детстве, помню, очень любил эти бабушкины «концерты». Потом, когда стал старше, помню, учила меня песенке-заклинанию, чтобы вызвать дождик:

Чоли, Чоли, нет Чоли!
Чоли упал в море;
Нет веревки, чтобы вытащить Чоли.
Принесите яйца, положим на лапку.
Принесите масла связать волосы.
Принесите веревку, вытащим из моря Чоли...
Жили мы трудно. На ее пенсию и зарплату дворничихи не разгуляешься, но голодным я никогда не был...

А потом жизнь закрутила-завертела... После армии поступил в судостроительный. Узнал, что Люся вышла замуж. Женится...

К ночи подул прохладный ветер, и неожиданно пошел дождь. Крупные капли выбивали дробь по стеклу. Природа не хотела проявлять фантазию и разразилась предмайской грозой. Поэт любил грозу в начале мая... «Ну что ж, — подумал Григорий Рубенович, — все, как и положено быть!».

Михаил молчал. Столько впечатлений на него обрушилось в эти дни! («Странно, — подумал он. — Ведь я всего этого и не знал...»)

— Твоего папу мы назвали именем моего отца — Рубен. Так ты получился — Михаил Рубенович Левин!

— Как подумаю, — отозвался юноша, — сколько во мне намешано... Удивляюсь националистам, рассуждающим о чистоте крови. Жизнь так все и всех перемешала, что и не поймешь, кто есть кто. Мама моя — русская...

— Ну да, если не считать, что у нее есть все признаки примеси восточных или северных народов... Лицо широкое, и глаза чуть раскосые...

— Вот-вот! А ты, выходит, наполовину армянин, наполовину — еврей...

— Какая разница, внук, что во мне или в тебе намешано. Будь, главное, Человеком!

— А как было раньше? — не унимался Михаил. — Жили в хатенках, вкалывали как зяблики... Я говорю даже не о времени твоей молодости, а до революции. Что ни говори...

— Что ты знаешь, как тогда жили?! — воскликнул Григорий Рубенович. — Кто-то жил тяжело, кто-то хорошо. Разве сейчас не так?

— Но раньше была сплошная безграмотность... Люди голодали...

— Это ты повторяешь то, чему учили в школе. А я недавно прочел, что налоги в царской России были самыми низкими в Европе. Ежегодно открывались школы, где бесплатно учились дети, и к 1925 году царь планировал полностью покончить с безграмотностью!

— Но ты же не можешь возражать, что рабочий день был длинным, да и условия труда были ужасные! Недаром же один из лозунгов большевиков был: «Даше восемьчасовой рабочий день!».

Неужто народ пошел бы за ними, если бы было так хорошо, как ты говоришь?

— Ерунда все это. Умелая пропаганда... Рабочий день действительно был длинным, но никто почему-то не говорит, что рабочие имели до двух часов перерыва на обед. Предприятия же, имевшие непрерывный цикл работ, всегда имели восьмичасовой рабочий день. Владельцы заводов давали многим рабочим «хозяйские квартиры». И детские сады, больницы и поликлиники были бесплатными. Врали нам много в советские годы, вот что я тебе скажу.

— Но разве можно сравнить то, что было, с тем, что есть?!

— Конечно нельзя! Так времени сколько прошло! Социальные проблемы и тогда решали, только потом стали все это приписывать большевикам. Россия была мощной и богатой страной. Но, видимо, именно в этом и заключается одна из главных причин революции: сытая и мощная Россия многим была не нужна... Но хватит об этом. Пора спать...

Григорий Рубенович встал и пошел в спальную комнату.

— Завтра встаем рано, позавтракаем и начинаем наши поиски. Я все же надеюсь хоть кого-то отыскать. В церковь зайдём, что на территории армянского кладбища. Может, там помогут отыскать могилки наших родственников...

(Продолжение следует)